

И. А. БУНИНЪ

въ "Иллюстрированной Россіи"

Слѣва направо: А. И. Гучковъ, Н. А. Тэффи, М. А. Алдановъ, В. Ф. Зеелеръ, И. А. Бунинъ, г-жа Казаринова, кн. Эрнстова, Н. В. Тесленко. и др.

Съ утра, во вторникъ, 2 ноября, когда стало извѣстнымъ, что И. А. Бунинъ навѣститъ сегодня «Иллюстрированную Россію», въ редакціи чувствовалось приподнятое настроеніе.

Быстро разослали приглашенія сотрудникамъ и ближайшимъ друзьямъ журнала и привели редакціонныя комнаты въ видъ, достойный приема дорогого гостя.

Къ пяти часамъ начинаютъ прибывать гости и сотрудники. Всѣ говорятъ только о

новомъ нобелевскомъ лауреатѣ и о той радости, которая выпала на долю насъ, русскихъ. По русскому Парижу уже ходятъ свѣжія новости относительно пребыванія И. А. въ столицѣ Франціи и о томъ восторженномъ приѣмѣ, который встрѣтилъ авторъ «Жизни Арсеньева» въ иностранной средѣ, и всѣ горюются ими подѣлиться другъ съ другомъ. Оживленная бесѣда смолкаетъ, когда на порогѣ входной двери появляется стройная фигура И. А. Бунина. Онъ въ своей ха-

рактерной круглой шляпѣ и скромномъ, непромокаемомъ пальто. Его сопровождаетъ А. Сѣдыхъ...

Когда онъ входитъ, его встрѣчаютъ долгиими, восторженными аплодисментами. Послѣ обмѣна первыми рукопожатіями, И. А. переходитъ въ кабинетъ редактора и здѣсь, отъ лица редакціи, А. И. Хатисовъ обращается къ И. А. Бунину со слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ:

И вмѣстѣ со слезами уходила изъ души усталость, неуверенность близкая къ отчаянію, которая владѣла ею послѣдніе мѣсяцы. Вставала волна бодрой уверенности въ себѣ, желанія счастья, жизни, настоящей, не вымышленной; и счастья не купленного, а другого, настоящего, о которомъ мечтала ребенкомъ и которое будетъ, будетъ, не можетъ не быть.

Вѣра открыла дверь своей комнаты. — Марья Петровна, позвала она звонкимъ голосомъ, въ которомъ еще слышались недавнія слезы, — уберите, пожалуйста, эти цвѣты. Такъ пахнутъ, прямо спать невозможно.

Харбинъ. Е. Н. Рашинская.

ка про насъ съ вами, — и продекламировалъ съ важностью: «Любовь, вѣчная, какъ смерть».

Въ послѣдній разъ она видѣла его накануне бѣгства. Высоко взгромоздившись на тюкахъ съ аммуниціей, на беспорядочно сваленныхъ вещевыхъ мѣшкахъ онъ трясся на военной двуколкѣ, въ длинномъ обоязѣ, растянушемся по Грузинской улицѣ. Маленькій солдатикъ, въ сѣрой шинели, съ дѣтскими глазами, съ первымъ пушкомъ на смуглыхъ щекахъ. Вѣра ѣхала на велосипедѣ, проводила его до позорота.

— Какой вы храбрый, Пѣтушокъ, закричала звонко. Смотрите, не ищите къ намъ большевиковъ.

Засмѣялась, махнула рукой на прощанье, и быстро, быстро покатила на своемъ велосипедѣ.

Да, игра въ солдатики... Какая страшная и жестокая игра! Этотъ милый мальчикъ, онъ погибъ черезъ два дня. Синіе, насмѣшливые глаза и смерть, пришедшая такъ неожиданно, что навѣрное не успѣла даже стереть въ нихъ улыбку молодости, счастья, весны...

Вѣра плакала. Юность, ея юность ожила передъ ней, вся свѣжесть, вся прелесть ея первой весны. Ея мечты о любви, гордость, чистота.

— Дорогая королева Марго, — прошептала она, я не измѣню тебѣ, я не измѣню тебѣ никогда.

Слѣва направо: Б. А. Гордонъ, Н. А. Тэффи, И. А. Бунинъ и Н. Д. Авксентьевъ.

Глубокоуважаемый Иванъ Алексѣевичъ.

Редакція журнала «Иллюстрированная Россія» уполномочила меня привѣтствовать васъ по случаю присужденія вамъ Нобелевской преміи. Вашъ огромный литературный талантъ, образцовая русская рѣчь и тонкое проникновеніе въ глубины человеческой души признаны и увѣнчаны вполне справедливо, и имя ваше отнынѣ стало международнымъ достояніемъ, какъ одно изъ блестящихъ именъ всемирной литературы. Но ваше торжество не есть лишь вашъ личный триумфъ! Вашъ праздникъ есть праздникъ всей русской культуры, особенно знаменательный въ тѣхъ мучительныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится русская эмиграція. Въ ея жизни, полной лишений и тяжкихъ заботъ, событіе это имѣетъ глубокий смыслъ: оно свидѣтельствуетъ, что культурная Россія пронесла черезъ всѣ невзгоды лихолѣтя весь блескъ и глубину русскаго таланта. И вы, давшій тому блестя-

щій примѣръ, свершили огромное дѣло. Исторія русской литературы занесетъ это событіе на одну изъ своихъ славныхъ страницъ. Мы всѣ чувствуемъ, что признаніе вашихъ заслугъ особенно цѣнно еще тѣмъ, что оно совершилось въ ту эпоху, когда обманъ, насилие и забвеніе моральныхъ цѣнностей, казалось бы, стали овладѣвать всѣмъ міромъ: триумфальное признаніе вашихъ заслугъ сегодня — безправнаго скитальца-эмигранта — словно яркій лучъ ворвалось въ мрачную ночь и озарило своимъ блескомъ безпросвѣтную жизнь русской эмиграціи.

Редакція «Иллюстрированной Россіи» приноситъ вамъ свои поздравленія и чувства благодарности и, выражаетъ увѣренность, что вы еще долгіе годы будете украшать русскую литературу своими произведеніями, а въ частности читатели «Иллюстрированной Россіи» будутъ имѣть огромное удовольствіе видѣть ваше имя на страницахъ нашего журнала.

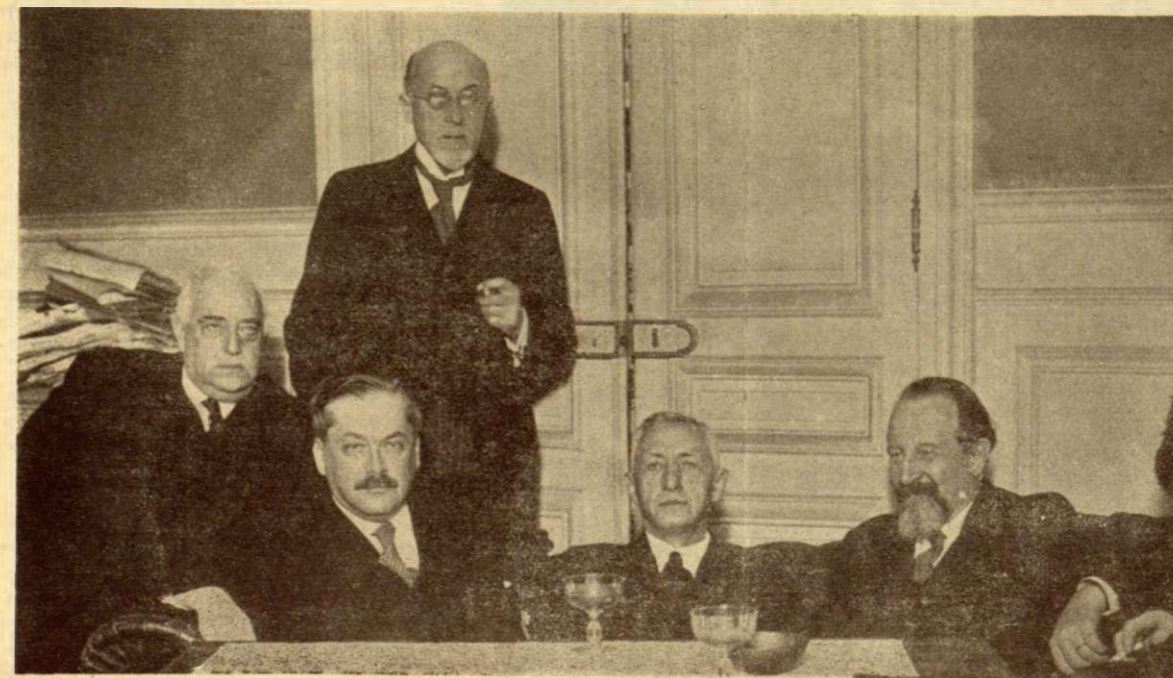
Въ краткой отвѣтной рѣчи И. А. Бунинъ благодаритъ А. И. Хатисова за привѣтствіе и говоритъ объ испытываемой имъ радости по поводу того, что каждый русскій въ присужденіи ему Нобелевской преміи увидѣлъ отзвукъ своего внутренняго нравственнаго удовлетворенія.

Всѣ окружаютъ И. А. и пожимаютъ ему руки. Разносятъ бокалы шампанскаго. Дѣлаются первые фотографическіе снимки. Конечно, всѣ темы разговоръ вертятся около предстоящей И. А. поѣздки въ Стокгольмъ.

— Все боюсь, шуточно говоритъ И. А., что утомлюсь, заболѣю отъ всѣхъ этихъ чествованій и приемовъ. Говорятъ, что шведы очень гостеприимны...

Опять вспышки магнія. Присутствующіе стремятся быть снятыми въ одной группѣ съ И. А. Вѣдь сегодня такой особенный, незабываемый день!

Входитъ Н. А. Тэффи. Иванъ Алексѣевичъ привѣтствуетъ ее почтительно-дружески.

Слѣва направо: М. С. Маргулисъ, М. А. Алдановъ, П. Н. Переверзевъ (стоятъ), И. А. Бунинъ и Н. Д. Авксентьевъ.

Между соратниками по перу завязывается оживленная беседа за бокалом шампанского...

Новые тосты и приветствия. Поднимают бокалы за здоровье лауреата, за его благополучное путешествие и возвращение в Грась, за новые произведения...

Пробыв в редакции больше часа, И. А. незамыслно прощается с хозяевами и спешит к двери. Ему еще предстоят сегодня деловые переговоры и ряд визитов; в день парижский день так краток, а до отъезда в Швецию осталось так мало времени!

Среди гостей «Иллюстрированной России», которые присутствовали на этом интимном приеме, отмтим: М. С. Аджемова, М. А. Алданова, П. Н. Апостола, Н. Д. Авксентьева, кн. В. В. Барятинского, В. Л. Бурцева, А. А. Гулевича, А. И. Гучкова, В. Ф. Зеелера, М. Г. Казаринова с дочерью, Н. М. Мельникова, М. С. Маргулиса, П. Н. Переверзева, Н. А. Тэффи, А. Сьдыхъ, Н. В. Тесленко, А. И. Хатисова с супругой, А. С. Шапиро, М. В. Штифтера, А. Дурова, и мн. др.

Слва: А. Сьдыхъ, кн. Эрнстова, Н. В. Тесленко, А. Дуровъ, И. А. Бунинъ, г-жа Казаринова, М. Г. Казариновъ, кн. Барятинская, А. С. Шапиро, кн. В. В. Барятинский, А. И. Хатисовъ.

Глубокоуважаемый
Иванъ Алексѣевичъ.

Въ театрѣ Елисейскихъ Полей

Въ воскресенье 26 ноября, вечеромъ, въ театрѣ Елисейскихъ полей состоялось торжественное чествование И. А. Бунина, прошедшее съ большимъ подъемомъ.

Въ центральной ложѣ рядомъ съ В. Н. Буниной, находились митрополитъ Евлогій и гр. В. Н. Кокцовъ. На эстрадѣ за столомъ президіума председатель собранія В. А. Маклаковъ, проф. Оманъ, Ж. Таро, А. И. Купринъ, Н. А. Тэффи, М. А. Алдановъ, Б. К. Зайцевъ, А. М. Осоргинъ, В. Ф. Ходасевичъ, Н. К. Кульманъ.

Когда появился И. А. Бунинъ, весь залъ поднялся и встрѣтилъ его продолжительными аплодисментами. Хоръ Н. П. Афонского спѣлъ «Славу».

Рѣчи произнесли В. А. Маклаковъ, проф. Оманъ, Ж. Таро и Б. К. Зайцевъ.

Проф. Н. К. Кульманъ огласилъ списокъ привѣтствій, полученныхъ И. А. Бунинымъ. Торжество закончилось концертомъ.

Редакция «Иллюстрированной России» обратилась къ И. А. Бунину со слѣдующимъ привѣтствіемъ:

Редакция «Иллюстрированной России» приноситъ Вамъ самую горячія, самая восторженная поздравленія по случаю присужденія Вамъ Шведской Академіей Нобелевской литературной преміи.

Съ молодыхъ лѣтъ привыкли мы относиться съ величайшимъ уваженіемъ къ Вашему творчеству. Мы знали, что для Васъ Вашъ литературный трудъ былъ не только выраженіемъ большого дарованія, но тяжкимъ подвигомъ, правильнѣе сказать — жреческимъ служеніемъ великому и прекрасному родному слову.

Терпѣливо и упорно копили Вы духовныя сокровища земли нашей, но не какъ «скупого рыцаря», а какъ щедрый цародѣй, готовый подѣлиться своими богатствами со всякимъ, въ комъ сердце было открыто для любви, красоты и правды.

Въ той странѣ, которая признана Россіей всѣми, кромѣ насъ, русскихъ, для Васъ не нашлось мѣста. Васъ лишили возможности трудиться на родной почвѣ; и вотъ Вы, потерявъ все — родину, домъ, матеріальныя средства, очутились на чужихъ дорогахъ, олицетворяя собою столь близкій Вамъ образъ странника съ нищею суммою.

Но не смутилось сердце Ваше!

Ваше самое большое богатство — дарованный Вамъ Богомъ писательскій талантъ — осталось при Васъ. Оно оказалось вѣдѣ предѣловъ досягаемости стяжателей и насильниковъ, и нѣтъ той силы на землѣ, которая была бы способна лишить русскаго писателя этого богатства.

Какъ вѣсть объ освобожденіи, прозвучало для насъ извѣстіе о присужденіи Вамъ Нобелевской преміи. Мы безмѣрно счастливы, что нишій странникъ можетъ немного передохнуть отъ пройденнаго тяжкаго пути, и что у него еще достаточно силъ, чтобы повѣдать всѣмъ правдивое слово о замученной Россіи.

Пусть это слово Ваше прозвучитъ металломъ побѣднымъ волшебнаго благовѣста надъ міромъ, погрязшемъ въ себялюбіи, обманѣ и жестокости, разобьетъ цѣпи нашего рабства и приведетъ насъ всѣхъ къ вратамъ воскресенія Россіи.

И. А. Бунинъ, Л. Ф. Волкенштейнъ и А. А. Гулевичъ.

Донъ - Аминадо

Оды и поэмы

ЭМИГРАНТСКАЯ ОДА

«О, ты, что въ горести напрасно»,
Мнѣня жалобъ вариантъ,
Ежеминутно, ежечасно,
На Бога ропщешь, эмигрантъ!

Заткни роскошныя фонтаны,
Не натирай души мозоль.
Не сыпь на собственныя раны
Свою же собственную соль.

Не пяться въ прошлое уныло,
Воспоминанья это дымъ.
Не вспоминай о томъ, что было,
И не рассказывай другимъ.

Не мни прикидываться жертвой,
Судьбы приемлющей ударъ.
И не клянись, что фоксъ-терьеръ твой
Быль въ оно время сень-бернаръ.

Себя на всѣ печали въ мірѣ
Монополистомъ не считай,
И нервнымъ шагомъ по квартирѣ
Въ минуты гнѣва не шагай.

О жизни мелко-буржуазной
Слезы насильственной не лей.
И десять разъ въ году не празднуй
Одинъ и тотъ же юбилей.

Не довѣряй словамъ красивымъ
И не предсказывай конецъ.
Не пей рябиновку съ надрывомъ,
А просто пей подъ огурецъ.

И ты не думай, день настанетъ —
И грянетъ громъ, и вспыхнетъ свѣтъ...
Весьма возможно, что и грянетъ,
Но вѣдь возможно, что и нѣтъ.

А посему не злобствуй страстно
И не упорствуй, какъ педантъ,
«О ты, что въ горести напрасно»
На Бога ропщешь, эмигрантъ!

Но возноси благодаренья
И не жалѣй хорошихъ словъ
За то, что въ часъ столпотворенья
Кровосмѣшенья языковъ,

Ты самъ во столпъ не обратился,
Не изничтожился въ тоскѣ,
Но вдругъ отъ страха объяснился
На столь французскомъ языкѣ,

Что всѣ французы испытали
Внезапный приступъ тошноты,
И сразу въ обморокъ упали —
И имъ воспользовался ты!...

I.

ПОЭМЫ БОДРОСТИ

Не падай духомъ, человекъ,
Не слѣдуй силамъ непреложнымъ.
Не забывай, что этотъ вѣкъ
Не ограниченъ невозможнымъ!

И, даже стоя на краю,
И различая дна зіянье,
Упорно вѣрь въ звѣзду твою,
Въ ея безсмертное сіянье!

Слѣпому случаю вручай
Твои послѣднія надежды,
И лишь слезой не омрачай
Такъ называемыя вѣжды!

Идя по трудному пути,
Какъ счастья собственного стражникъ,
Во-первыхъ, можешь ты найти
Тотъ историческій бумажникъ,

О коемъ грезить испоконъ
Искатель чуда безразсудный,
И въ коемъ ровно миллионъ
Лежитъ, торжественный и чудный!...

Затѣмъ ты можешь, во-вторыхъ,
Свой страхъ естественный осиять,
Попастъ безъ трудностей большихъ
Подъ колесо автомобиля.

И, согласившись полежать
Подъ симъ чудовищемъ пытящимъ.
Въ одну минуту встать, и стать
Капиталистомъ настоящимъ!

Конечно, Боже упаси,
Скажу для скучнаго примѣра,
Попастъ подъ пошлое такси,
Да еще русскаго шоффера!...

Онъ несомнѣнно повредитъ
Твой торсъ, достойный Аполлона,
И даже срокъ свой отсидитъ,
Но не заплатитъ миллиона!...

А посему, ища удачу,
Имень прославленныхъ не бойся,
И постарайся, словно мячъ
Катаясь, катиться подъ Рольсъ-Ройса!

Итакъ, бодрись! Отбросивъ лѣнь,
И отъ разсвѣта до разсвѣта,
По тротуарамъ ночь и день
Броди, какъ тѣнь отца Гамлета,

И ты свой рокъ подстережешь
И то найдешь, что ожидаешь...
А если даже не найдешь,
То ужъ зато-жъ и погуляешь!

II.

Играйте въ гольфъ! Одолѣвайте старость,
Слѣдой вѣнецъ носите набекрень.
Восходъ зари пророчить зной и ярость.
Закатъ зари сулитъ покой и тѣнь.

Но мудрость дней нуждается въ оправдѣ,
И возрастъ это лучший ювелирь.
Глядите-жъ легче, проще и лукавѣй
На этотъ заблуждающийся міръ!

У молодости жадное дыханье,
И быстръ, и расточителенъ разсвѣтъ.
Недаромъ позднихъ розъ благоуханье
Давно воспѣлъ классической поэтъ.

Но эти розы требуютъ ухода,
Внимательной и опытной руки,
Чтобъ сохранить до будущаго года
Ихъ тронутыя тлѣньемъ лепестки.

Густымъ виномъ наполненную чашу
Отвергните! и, просто, безъ прикрасъ,
Вкушайте ледяную простоквашу,
И помните, что Мечниковъ за васъ!

Холодный душъ, струя одеколона,
Гимнастики и ритмъ, и благодать.
И передъ сномъ читать Анакреона,
И въ руки Достоевскаго не брать!...

Открытый взглядъ, упругая походка,
Монокль въ глазу!... и докажете мнѣ,
Что міръ должна спасти косоворотка,
Зловѣщій клочъ, козлиная борода,
И преданность угрюмой старинѣ?!...

Играйте въ гольфъ! И, молодости ради,
Носите шляпу типа Болеро,
А сбоку, какъ охотники въ Канадѣ,
Воткните разношвѣтное перо.

И бремя лѣтъ да станетъ празднымъ мифомъ,
Легендою въ забытыхъ письменахъ.
Играйте въ гольфъ! Не подражайте ски-оамъ!
И берегите складки на штанахъ!

Донъ-Аминадо.